

ГЛАВА 9

Где находится Зосимины пустынь?

Не пора ли нам здесь, после страниц посвящения, раскрыть читателю цель и смысл сего сочинения, а заодно посвятить его в тайну названия и развеять уже, наверное, давно не дающее читателю покоя недоумение, как можно так писать, что в названии сказано одно, а содержание выходит совсем другое? В название вынесено имя Преподобного Зосимы, а речи о нём и его монастыре до сих пор, кроме нескольких начальных слов, никакой не было.

Зосимины пустынь... Такого места нет на карте нашей необъятной родины. Так имел обыкновение называть Зосимову пустынь, или Троице-Одигитриев женский монастырь Преподобный Антоний Оптинский в переписке с его насельниками. Мы же, беря эти слова в название, желали сказать то, что Зосимины пустынь не нужно искать на географических широте и долготе, потому как лежит она в другом измерении: в долготе дней и в широте души. Чьей? Сказать: моей? Но моя душа мелковата, чтобы вместить в себя Зосимины пустынь, и сама она в Зосиминой пустыни помещается по милости Преподобного Старца. Сказать: души твоей, любезный читатель? Но многие из вас, может, слыхом не слыхивали про такой монастырь... Скажем безотносительно: Зосимины пустынь лежит в пространстве душевном. Но если это пространство ещё как-то определимо, потому что его составляют различные размышления, переживания, воспоминания и т.п., то, что такое псаломская долгота дней?

У Гаврилы Романовича Державина, покоящегося в Новгородском Хутынском монастыре, есть такие строки:

«Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей».

Отличные стихи. В поэтическом воображении время должно рисоваться именно так, как оно нарисовалось в воображении Державина: река, топит, пропасть... Но в церковном исчислении лет время течёт иначе: *Дому Твоему подобает святыня Господи в долготу дней* (Пс.92:5). Этот стих для чтущего (*) Пророка Давида означает, что хотя бы и уносила река времён все дела людей в пропасть забвения, но она никогда не сможет унести туда святыню, которая с долготой дней становится лишь очевидней и святей. Как это понять?

(*) Мне кажется, что слова «читать», «почитать» – одного корня. Что значит выражение «читать чью-либо память»? Чем и как можно память почтить? Минутой молчания? Оружейным залпом? Читать память святого, значит буквально – читать его память, т.е. читать составленные в его память церковную службу и житие. В словаре прот.Дьяченко у глагола «чести» указано три значения: 1) считать; 2) читать; 3) почитать. Видимо, и слово «честь» к этому же корню нисходит.

чести, наст. чтут, аор. чтох, имп. чтях, повел. чти, чем, чтите; дейст. прич. н. вр. чтый, -ущи, стр. прич. н. вр. чтом, действ. прич. пр.вр. почет, -ши, полн. почтый; стр. прич. пр. вр. почтен.
Примечание: Это слово имеет значение: читать и чтить. В более позднее время для значения «читать» стало входить в употребление слово чтить (под влиянием русского языка); отсюда в величании святым употребляются обе формы: чем и чтим.

Иеромонах Алипий (Гаманович). Грамматика церковно-славянского языка. М. 1991, с.138

В главе о церковном языке мы говорили, что единственно вечным Существом является Бог, *един имеяй безсмертие* (1Тим.6:16). Стало быть, то из земной истории становится вечным, что успеваает за свою кратковременную жизнь к Нему приобщиться. Цель сего сочинения в том и заключается, чтобы как самому автору приобщиться, так и читателя приобщить к немеркнувшей и неоскудевающей Божией святине в лице Преподобных Зосимы и Василиска.

Но если бы всё было так просто, если бы к желанию Божией славы не примешивалась разная муть, то Господь не сказал бы этих слов: *Горе вам, что строите гробницы пророкам, которых избии отцы ваши: сим вы свидетельствуете о делах отцов ваших и соглашаетесь с ними* (*), *ибо они избии пророков, а вы строите им гробницы* (Лк.11:47,48). Эти слова Господа не вполне понятны. Да, я свидетельствую о делах отцов, что они избии пророков и разграбили святыни, но в чём моё согласие с ними, когда я восстанавливаю уничтоженное ими? В чём моё согласие с разрушившими Зосимову пустынь людьми, если я хочу, наоборот, возобновить её, чтобы славословить в ней Господа и просить у Него прощения в своих и отцовских прегрешениях словами святых вавилонских отроков: *И судьбы истинны сотворил еси по всем, яже навел еси на ны и на град святой отец наших Иерусалим: яко истиною и судом навел еси сия вся на ны грех ради наших...* (Дан.3:28).

Но, да не подумает читатель, слыша это признание, что автор взялся за сие сочинение, желая «сиять заставить заново» (**) *Божию святиню – Зосимову пустынь. Глине ли говорить, что она способна прославить горшечника* (ср.Рим.9:21)? Или пиле гордиться пред тем, кто ею двигает (ср.Ис.10:15)? Не я отверзаю свои уста для Твоей хвалы, Господи, но Ты Сам *устне мои отверзеши, и уста моя возвестят хвалу Твою* (Пс.50:17). Цель сего сочинения заключается в не том, чтобы прославить святиню, и не в том, чтобы самому автору прославиться, о чём да устрашится мечтать его негодный ум, но славословием святыни освятиться и приобщиться к ней. А если так, то в чем тогда моё благое намерение соглашается с мрачными делами отцов?

(*) В церковнославянском Евангелии эти слова звучат иначе: *сблаговолите делом отец ваших*. Встречаемые в церковно-славянских глаголах ударения на последней букве говорят, как правило, о том, что они стоят в форме настоящего времени. «Благоволите» сказали бы мы порусски, и наряду с формой настоящего времени можно было бы понять этот глагол как повеление. Церковно-славянский язык двусмысленностей не терпит, и потому отделяет одну глагольную форму от другой ударением. Поститесь (Мф.6:16), благотворите (Лк.6:33), творите (1Сол.4:10), терпите (Евр.12:7) – глаголы настоящего времени. Поститесь, благотворите, творите, терпите – формы повелительного наклонения.

(**) «Хочу сиять заставить заново величественное слово партия». Вдумайтесь в эти стихи, читатель. Что это за партия, которая своё величие ставит в зависимость от слов своих членов? Эта партия мыльного пузыря. Чем больше пузырь раздувают, тем он величественнее, и тем скорее лопаётся. Если же выше приводился писатель Шолохов как пример служения этой партии, то лишь затем, чтобы несколько подсластить горечь истины. О чём? О том, что хотя рядовые коммунисты честно служили партии, то партия-то служила – гордыне.

Соглашается в том, что если я восстанавливаю монастырь для того, чтобы меня за это хвалили, то, действительно, становлюсь подобен убийцам пророков, которых потому и убивали, что они (пророки) обличали, а не хвалили. Соглашается в том, что если я строю гробницу Преподобному с мыслью о награде, то подобен фарисею, который, прикрываясь именем Святого, на самом деле строит монастырь для собственного утверждения и личной выгоды. Иудеи по гордости убивали пророков, а я по гордости строю пророкам гробницы. Какая же между нами разница? Отцы по гордости святыню разорили, а сыновья хотят её по гордости восстановить. Что же удивительного, если и они могут услышать от Господа: *Горе вам, что строите гробницы пророкам...* За что, Господи? Горе за общие с иудеями мысли и желания. Горе за искание похвалы и наград. Горе за святые предлоги, которыми прикрывается самость.

«И всё же непонятно, как можно быть осуждённым за Богоугодное дело, каким, несомненно, является восстановление монастыря?» - спросит читатель.

На этот счёт есть золотые слова Златоуста: «Добро само по себе не есть добро, и зло само по себе не есть зло, но по душевному настроению делающего и то, и другое». (*) Иначе говоря, дело не само по себе становится Богоугодным или Богопротивным, но становится таковым по мысли и настроению совершающих его. И посему, чтобы не скатиться нам в гордость, оставим за порогом обители эту мысль, что мы восстанавливаем святыню. Мы идём к ней, больные и увечные, чтобы святыня восстановила нас.

(*) Толкование на Книгу пророка Исаии, глава 9. Т.6, с.125.

От хорошей жизни в монастырь не идут. В монастырь бегут от того уготованного грешникам посмертного огня, который начинает жечь их души уже при жизни. Какая же тут гордость? Напротив, стыд и позор. Стыд за то, что, не умея потреблять жизнь в умеренных количествах, некоторые начинают пить её через край, и чуть не захлёбываются ею. И позор за то, что, не имея сил жить благочестно в міру, некоторые вынуждены заточать себя от Божьего міра в каменные стены.

Добрый читатель, а нужно ли вам идти в Зосимину пустынь? Нужно ли оставлять прекрасный Божий мір, которым вы хвалите Бога, благочестиво живя в нём? Нужно ли вам менять привычную жизнь, в которой есть горести, но есть и утешения в виде тех же литературы и телевизора? Ведь при входе в монастырь вас попросят их оставить за воротами. Не потому, что они плохи, нет. Согласно Златоусту нет ничего плохого самого по себе. Литература сама по себе не хороша и не плоха. Телевизор сам по себе не плох и не хорош. Всё зависит от нашего к ним отношения, т.е. от того, какое место они в нашей жизни занимают. Если телевизор занимает самый дальний угол вашего жилища, так и – слава Богу. Если открытая бутылка вина может стоять в вашем доме месяцами, так и пусть стоит. Зачём вам её прятать или выбрасывать? Стало быть, не вино вами руководит, но вы вином. Подумайте хорошенько, нужно ли вам оставлять то, чем вы пользуетесь без пристрастия, и нужно ли вам отправляться вслед за больными и страстными людьми, которые вас заставят выбросить то, чем вы можете пользоваться, в отличие от них, умеренно и с пользой?

«Если в Зосиминой пустыни не смотрят телевизор и не читают художественную литературу, - спросит автора читатель, - то почему до сих пор речь шла только о них? Почему под названием, которое приличествует душеполезным рассказам о монастырской жизни, мы

читаем мирские заметки? Почему историческая, телевизионная, литературная темы вошли «В Зосимину пустынь»? Что общего между ними и святой обителью?»

Телевизор, коммунизм, русская литература взяты мною как имена литературных персонажей, и как всякие персонажи они действуют на страницах этого сочинения не сами по себе, но в научение и образование, т.е. как образы, могущие дать пример. Чего? *Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаем замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу* (2Кор.10:6). Какой силы и красоты слова! Как просто и глубоко выражено существо христианской жизни и вместе с ней её передового укрепления – монастыря. Особенно хорошо сказано последнее: *пленяем всякое помышление* (в церковно-славянском переводе: *всяк разум*) *в послушание Христу*. (*)

Итак, русская литература, коммунизм, телевизор и т.п. взяты в сочинение о монастыре для того, чтобы на их примере увидеть, как возстают *против познания Божия* (в церковно-славянском переводе: *на разум Божий*) различные замыслы. Эти темы взяты для того, чтобы понять, как и почему их нужно, нет, не убивать и уничтожать, но, по слову Апостола, пленять и приводить в послушание Христово. Они взяты, наконец, для того, чтобы показать, как тяжела дорога в Зосимину пустынь, как опасна она, проходящая сквозь густую чащу замыслов, превозношений и помышлений, взимающихся *на разум Божий*. Но иной, широкой и асфальтированной дороги туда нет, потому что Зосимина пустынь, дорогой читатель, находится внутри нас.

(*) Слова «пленение» и «послушание» вызвали в памяти Великий канон. Может, именно из 2Кор.10:6 почерпнул Святитель Андрей Критский вдохновение для написания Богородичного тропаря: «Град Твой сохраняй, Богородительнице Пречистая, в Тебе бо сей верно царствуй, в Тебе и утверждается, и Тобою побеждай, побеждает всякое искушение, и пленяет ратники, и проходит послушание»?

Как проехать в Зосимину пустынь (пояснение первое)?

В чём же смысл ратования тех, кто, *ходя во плоти, не по плоти* ратует? Что за оружия у них *не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь*? С кем и какого рода войну они ведут? Почему они её ведут? Почему им не живётся мирно?

Эти вопросы вновь заставляют нас обратиться к цели сего сочинения: зачем оно? Вообще говоря, чем чаще мы, делая что-либо, задаёмся вопросом о цели делаемого, о цели жизни, например, тем меньше совершаем глупостей. Только додумывать все такие мысли нужно до конца, без самообмана и лести.

«Зачем мне пленять свои помышления в послушание Христу? - может, думает кто-либо из читателей. - Довольно того, что ничего Богопротивного я не совершаю. Живу по заповедям, молнюсь, пощусь, хожу в храм, регулярно причащаюсь. Что еще? Неужели этого мало для спасения? И почему я не могу, не имея в мыслях ничего дурного, посмотреть иной раз на противоположный пол с интересом?»

Ну, а зачем на противоположный пол смотреть? Какой смысл этого высматривания? Для выбора себе брачной пары во Христе? Тогда не только можно, но даже нужно на противоположный пол смотреть, но без вожделения. А если супруга или супруг имеется, кого

ещё высматривать? Семейному человеку «помавать очами», как в одной из молитв Таинства соборования говорится, не только бессмысленно, но и предосудительно.

Написав к Коринфянам, что не по плоти ратующие пленяют *всякое помышление в послушание Христу*, Апостол Павел далее говорит, что он готов *наказать всякое непослушание, когда ваше послушание исполнится* (2Кор.10:7). Как наказать? Этого он не объясняет, зато о другом апостольском наказании подробно говорится в книге Деяний: *Но Петр сказал: Анания! Для чего ты допустил сатане вложить в сердце твое мысль солгать Духу Святому и утаить из цены земли? Чем ты владел, не твое ли было, и приобретенное продажею не в твоей ли власти находилось? Для чего ты положил это в сердце твоём? Ты солгал не человекам, а Богу. Услышав сии слова, Анания пал бездыханен; и великий страх объял всех, слышавших это* (Деян.5:3-5).

Приводить свои помышления в послушание Христу нас никто насильно не заставляет. Моё душевное богатство, как то: мысли, чувства, знания, воспоминания и т.д., не в моей ли власти находится? Не моё ли всё, чем я владею? Имущество Анании не его ли было имуществом? Никто не требовал его у него. Почему же вышел грех и из греха смерть, как сказано у Апостола: *жало же смерти – грех* (1Кор.15:56)?

Анания солгал, говоря, что все полученные от продажи имени деньги он принёс Апостолу. Так и я, если назову свои принесённые Христу помышления Христовыми, но в глубине души буду знать, что какие-то из них не Христовы, но мои, т.е. выгодные и удобные лично мне – я солгу Ему. «Видишь ли, - говорит Златоуст, - как он [Анания], обвиняется в том, что, сделав свои деньги священными, потом взял их? Разве не мог ты, говорит [Пётр], продав имение, пользоваться ими как своими? Разве кто препятствовал тебе? Почему восхищаешь их после того, как обещал отдать? /.../ Для чего, говорит, ты сделал это? Ты хотел удержать у себя? Надобно было удержать сначала и не давать обещания». (*)

(*) Беседы на Деяния Апостольские, 12. Т.9, с.124. Обратите внимание на выражение Златоуста – священные деньги. Как и когда презренные, грязные, суетные деньги могут стать священными? Когда они принесены Христу. Деньги это – избирательные бюллетени. Человек думает, что он деньгами покупает себе ту или иную вещь, в действительности, он ими – голосует. За Христа или за антихриста?

Но обещание Христу дано всеми христианами. Когда дано? Какое обещание? Обещание сочетания со Христом принесено Ему от крещающегося в Таинстве Крещения. Помните? Священник спрашивал оглашенного: «Сочетаваешься ли Христу?» И тот отвечивал: «Сочетаваюсь». И так повторялось трижды: сочетаюсь, связываюсь, соединяюсь.

Какова же мера сочетания христианина Христу? Эта мера – безмерна, *на таковых несть закона* (Гал.5:23), но отмеряет её для себя сам человек. Пророк Давид, например, не только помышление, но и остаток помышления приносил Господу: *Яко помышление человеческое известся Тебе, и остаток помышления празднует Ти* (Пс.75:11).

Анания не помышления, но часть денег оставил себе. Он лгал сознательно, и потому был тут же наказан, но лгать можно и бессознательно, т.е. не понимая своей лжи. Это состояние на святоотеческом языке называется прелестью. Находящийся в прелести, т.е. невидящий своей лжи человек думает, что всё, принесённое им, принесено Христу Богу без остатка, в то время как часть из пожертвованного Ему он оставляет себе.

Но почему, спрашивается, человек не имеет права какую-то часть оставить себе, тем более что эта часть принадлежит ему? Кстати сказать, именование чего-либо «своим» являет нам образец прелести. Почему? Вы хотите знать, почему человек обманывается, когда называет что-то своим? Потому что *мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него* (1Тим.6:7). Зачем же мы тогда живём и что в этом мире делаем? Толкаемся друг о друга? И что с человечеством будет, если оно перестанет приобретать?

Приобретайте, покупайте, стяжайте – призывает Господь и Его святые. Время земной жизни есть время купли и продажи. *Подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее* (Мф.13:45-46). Но покупайте истинные, а не фальшивые сокровища, копите вечные, а не временные ценности. Например, *великим приобретением* называет Апостол *быть благочестивым и довольным* (1Тим.6:6). Великое приобретение – быть довольным! Это купля всех купль.

«Ну, хорошо, - скажет читатель. - Допустим, человек обманывается, называя что-либо своим. Допустим, ценность, к которой он стремится, ложная, но почему он не имеет права оставить её себе, если она ему нравится?»

Значит, ещё раз. Бог ничего не требует. *Не за жертвы твои Я буду укорять тебя; всесожжения твои всегда предо Мною* (Пс.49:8). Бог ни в чём не нуждается. *Если бы Я взалкал, то не сказал бы тебе, ибо Моя вселенная и все, что наполняет ее* (Пс.49:12). Бог угождается не жертвой, какой бы великой она не была, но сердечным расположением жертвователя. *Принеси в жертву Богу хвалу и воздай Всевышнему обеты твои* (Пс.49:14). Значит, угодить Богу можно только любовью, и если я не хочу отдать Ему «своего», Он никогда не потребует и не отнимет «моего» у меня. Более того, если я буду приносить Ему что-либо без любви, то моё приношение будет отвергнуто.

«Хорошо. Допустим, человек нашёл в себе сколько-то любви, чтобы отдать Богу что-либо своё, и говорит Ему: «возьми, теперь это Твоё отныне и навеки». Что тогда?»

Тогда-то и начинается самое главное. Если, говоря эти слова, он знает точно, как Анания, или неточно, т.е. полу-скрыто от самого себя знает, что часть принесённого им Христу Богу дара он возьмёт себе, то, что это будет? Это и будет Ананьиная жертва, лучше же назвать её Иудиной.

«Но почему сразу Ананьиная, Иудина? Эти двое лгали, зная, что они лгут. Если же человек обманывает и обманывается нечаянно, или, как вы говорите, прелестно, то в чём его вина?»

Да, конечно, ложь лжи рознь. И горе тем лжецам, *которые зло называют добром, и добро - злом, тьму почитают светом, и свет - тьмою, горькое почитают сладким, и сладкое - горьким!* (Ис.5:20). Они все последуют за Иудой и Ананией. Но некоторые, действительно, лгут ненароком, т.е. по неведению называют зло добром и тьму светом. Однако итогом всякой нераскаянной лжи, сознательной или несознательной, чаянной или нечаянной, нарочной или ненарочной является одно – предательство.

По сути, обман это и есть предательство. Обмануть, это и значит предать, а обмануться, значит предаться. Кому? Отцу лжи – диаволу. *Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи* (Ин.8:44). Всякий обманщик становится сообщником диавола. И это лишь кажется, что сознательного обманщика от несознательного отделяет пропасть. Тем и страшна прелесть, что она не видна человеку. На вкус она сладка, но действует как отравка, на вид добра, но по своим свойствам губительна. Она укореняется в человеке, если он не желает знать о себе правды. Укореняется так, что он видя не видит и слыша не слышит. *Народ сей ослепил глаза*

свои и окаменил сердце свое, да не видят глазами, и не уразумеют сердцем, и не обратятся, чтобы Я исцелил их (Ин.12:40).

Страшен и безобразен грех, но ещё страшнее начало греха – прелесть, потому что она красива. Из прелести тайно образуется грех. Недаром Пророк Давид со слезами взывает: *Грехопадения кто понимает? И от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего* (Пс.18:13). Итак, на бранных полях своих душ воинствуют не по плоти воинствующие. В своих душевных движениях они «пленяют ратники и проходят послушание», потому что там, в потаённой сердечной глубине коренится грех. И ведут они эту брань не ради брани, не из-за особой своей воинственности они стараются пленять всякое чуждое помышление в послушание Христу, но воюют они сами с собой единственно – из-за боязни солгать Богу.

Как проехать в Зосимину пустынь (пояснение второе)?

Когда мы доискивались причин писательства, то приводили слова Господа: *от избытка бо сердца уста глаголют* (Мф.12:34). Быть писателем по призванию, а не по должности, это и значит писать от сердечного избытка, т.е. «по велению сердца». Но в том-то и дело, что *изнутри, из сердца человеческого, исходят злые помыслы, прелюбодеяния, любодеяния, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, безумство, - все это зло изнутри исходит и оскверняет человека* (Мк.7:21). Причём, исходит зло из сердца в самом румянном и нарядном виде, потому что неприкрашенного греха, как вида самой смерти, к которой грех приводит, боится всякий нормальный человек.

Читая Мк.7:21, недоумеваешь, почему же принесённое от всего сердца поздравление считается самым хорошим? И говорят его обычно с улыбкой: «примите от всего сердца». Какого сердца? Описанного в Мк.7:21? Нет, конечно. Сердце подразумевается доброе, искреннее, любящее и т.п., хотя оно не всегда бывает таким. Почему же не желают знать, что оно бывает злым, коварным, завистливым, гордым? Потому что действует всё та же прелесть, т.е. прикровенная ложь. Человеку не хочется знать, что в его сердце гнездится перечисленное в Мк.7:21. Страшно жить в одном теле с убийцей, прелюбодеем, вором... Человеку кажется, что всё греховное лежит вне его, а если он вдруг совершает что-то плохое, то лишь потому, что оно было подсказано ему со стороны. Он думает: «Моё сердце доброе, а сказанное у евангелиста Марка сказано о чьём-то чужом сердце».

Заблуждаешься ты, *о человеке суетне* (Иак.2:20). Всё греховное, что тебя и других людей оскверняет, находится именно там – в твоём сердце. *А если говорим, что не имеем греха, - обманываем самих себя, и истины нет в нас* (1Ин.1:8). Так от какого же сердечного избытка, друг писатель, твои уста глаголют? С этим вопросом мы вновь обращаемся к цели и смыслу сего сочинения. Цель ужасающе проста: разобраться с сердцем и заглянуть в его глубину с лампой Священного Писания. Пора, наконец, осмотреть кладовую своей души со светочем истинного знания – Библией.

А смысл? Какой смысл сего сочинения? Вот этого вопроса я не понимаю. Смысл всякого сочинения в нём самом и заключается. Какой может быть смысл у книги объёмом в 365 страниц? На этих 365-ти страницах он весь и изложен. Можно, конечно, сделать конспект, изложив «смысл» книги на 3-х страницах, но это будет уже другое сочинение с совершенно другим смыслом. Поэтому, чтобы правильно воспринять смысл книги, нужно принять её целиком, а не фрагментарно: здесь принимаю, а здесь не принимаю.

Такое же недоумение вызывает у меня вопрос: в чём смысл жизни? Смысл – это понимание цели. Чем точнее цель, тем яснее смысл делаемого ради достижения этой цели. Смысла самого по себе не бывает. Нет цели, значит, нет и смысла. Можно ли из отдельных часов 365-ти дней своей жизни составить 3 дня и сказать, что в них заключена суть прожитого года? Можно, конечно, попытаться такое сделать, но что это будет? Это будет другая жизнь, и цель её будет другая. Книги неразрывны, жизнь непрерывна, время нераздельно.

«Ну, а как же говорят: подведём итоги года?» - спросит читатель.

Я отчасти догадываюсь, какие это итоги. Но, любезный читатель, если итоги, которые мы подводим, не принадлежат вечности, то их не стоит подводить. *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобретет, душу же свою отщетит* (Мф.16:26). Все наши земные итоги относятся к тщете, т.е. к суете, и их ли подводить? Какой у пустоты может быть итог? Возведённая в десятую степень пустота? Не в этих итогах будет нас судить Господь, и хорошо, что не в этих. Иначе бы от нас только пустое место осталось. А в каких?

В чём застану, в том и сужу. Таких слов нет в Священном Писании. Откуда же они взяты, и почему так врезались в память? Может, потому так памятливы эти слова, что в них до состава каменной соли сжаты Евангельские призывы о бодрствовании (см.Мф.24:42, Мк.13:33, Лк.12:40) в ожидании дня Господня, который придёт, *яко тать в нощи* (2Пет.3:10)?

Удивительное, однако, сравнение пришествие дня Господня с ночным вором. Благочестиво ли оно? Апостол Павел, наверное, потому и уточняет, что татем этот день окажется только для тех, кто его не ждёт, и, стало быть, в ночной тьме живёт. А для тех, кто живёт в его ожидании, день Господень вором быть не может. *Но вы, братия,* - говорит Апостол солунским христианам, - *не во тьме, чтобы день застал вас, как тать. Ибо все вы - сыны света и сыны дня: мы - не сыны ночи, ни тьмы. Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться* (1Фесс.5:4-6).

В чём застану, в том и сужу. Смотря на жизнь с вершины этих и вышеназванных Евангельских слов, нельзя не видеть, что для христиан мало значит прошлое, ещё меньше будущее, но важно только настоящее и в этом настоящем – бодрствование. Но как понять, что для христиан не важно прошлое? Так и понять, что прошлое для них важно только в той мере, в какой оно определило их настоящее. И потому нельзя будет сказать, что вот тогда-то, Господи, мною было сделано то-то доброе, нельзя ли его учесть? Учесть, конечно, можно, но тогда надо будет учесть и плохое. Так ведь? Если по справедливости, то именно так и надо поступить: вспоминая всё хорошее, надо будет вспомнить и всё нехорошее, что было совершено мною во вся дни живота моего. Не знаю, как вам, читатель, но я бы предпочёл не учитывать из прошлого ничего: ни хорошего, ни плохого; я бы предпочёл именно такой суд: в чём застану, в том и сужу. И, как мне кажется, в Евангельской притче о домоправителе о таком суде и говорится.

Не будем всю притчу приводить, скажем вкратце. Если я поставлен домоправителем своей души, то не нужно думать: за что? Не нужно думать о прошлом и тем более о будущем. О чём же тогда думать? И что значит: поставлен правителем своей души? Разве не была она моей? Моя душа была и будет Божия, но до воцерковления этой души Господу неприятно было в неё заходить. Поэтому Он постепенно, чтобы не напугать, открывает мне на мою же душу глаза, что там происходит, и кто там командует. И поставляет меня её домоправителем, помогая мне, по мере моего к Нему обращения, в ней разобраться. Но если я начну бить добрые свои навыки вместо того, *чтобы раздавать им в своё время меру хлеба* (Лк.12:42), и пьянствовать с худыми страстями, то пощады уже не будет. *Придет господин раба того в день, в который он не*

ожидает, и в час, в который не думает. А так, как правило, и бывает, что ревизор приходит, когда его не ждут. И растешет его полма (), и часть его с неверными положит: ту будет плачь и скрежет зубом (Мф.24:51).*

Эта притча говорит нам о покаянии и о трезвенном стоянии в нём, т.е. об однажды соделанной вместе с Господом жизненной перемене и о бодром в ней пребывании. Так же и на исповеди нас учат, что не нужно многократно каяться в уже названных грехах, если они, конечно, не были повторены, не нужно держать их в памяти и унывать от них, ослабевая. Впрочем, ещё раз уточним, что мы не хотим распрощаться с прошлым в самом простом смысле слова, т.е. опростаться от него. Мы говорим, что на пользу душе идёт только покаянно осмысляемое прошлое. Всякое другое прошлое, т.е. прошлое как воспоминание о чём-либо безотносительно к покаянию есть пустое прошлое, его-то и нужно оставить. Мне кажется, что именно об этом говорит Апостол, призывая нас, *задняя забывая, в предняя простираться. Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели (**), к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе (Фил.3:13-14).* Однако свое *житие иногда в жидовстве (Гал.1:14)* Апостол вспоминал и оплакивал постоянно (см. Деян.22:4; 1Кор.15:9; 1Тим.1:13; Фил.3:6).

(*) Имеется в виду казнь халдеев и древних восточных народов – разсечение тела надвое, дихотомия. Навуходоносор грозил своим мудрецам разсечением за неистолкование сна (см. Дан.2:5) и пророк Иезекииль грозит блуднице-Иерусалиму разрублением мечами (см. Иез.16:40).

(**) Выше мы говорили о том, что смысл дела напрямую связан с его целью. Чем точнее цель, тем отчётливее смысл; и наоборот, бессмысленность, значит безцельность. В процитированном стихе Апостол Павел так определяет цель христианской жизни: слышать Божий призыв (*звание*), возглашенный во Христе Иисусе, и стремиться к нему. Стало быть, чем яснее христианин слышит высшее звание Божие во Христе Иисусе, тем яснее ему смысл жизни. Но что значит слышать Божие призывание? Это значит смиренно принимать посылаемые от Бога обстоятельства. Не бороться с ними, и не стремиться изменить их по собственному разумению, но терпеливо переживать.

Так же и мы, дорогой читатель, в выяснении вопроса, что же такое долгота дней, попытаемся увидеть вопреки разуму и житейскому опыту, что прошлого и будущего как таковых нет. Задача, прямо скажем, не из лёгких, уже потому, что слово «долгота» подразумевают длительность «от» и «до». Но совершим эту попытку и попробуем уразуметь, что прошлое существует только в нашем уме, что его, как и будущего, на самом деле нет, что эти понятия суть всего лишь логические категории разложившегося на части после своего грехопадения ума, и что воцерковлённое, т.е. покаянное, т.е. Евангельское время состоит только из настоящего, в котором, конечно, живо и прошлое, как живы старые корни в новых ветвях.

Однако вновь уточним, что не все выросшие ветви живы, и не всё прошлое живо в настоящем. Но живы только покаянно проросшие ветви и живо только покаянно принятое прошлое. Настоящее, которое мы сейчас отправимся искать, можно назвать спасённым временем. А если оно спасено, то, значит, и отделено от прочего прошлого.

Мне осталось предупредить мужественного читателя, что кораблю нашего разума придётся широко носиться по реке времён и не раз покрываться волнами. А посему держитесь крепче. И молитесь, чтобы не услышать нам горьких слов Господа: *Где есть вера ваша?* (Лк.8:25).

Но в чём вина учеников? За что порицать Апостолов, если они в этой самой вере воззвали к Нему: *Господи, спаси ны, погибам* (Мф.8:25). Вот же наша вера, мы с ней к Тебе за помощью обращаемся. Но веры-то нет, потому что плывущим в одном корабле с Господом нельзя погибнуть. Ну, и что, что заливают волны? Ну, и что, что трус велик? Да окажись мы с Ним хоть в воде, хоть под водой, хоть в земле, хоть под землёй, в небе или выше неба, в космосе, в каком угодно времени или в отсутствие всякого времени, мы – с Ним. А если с Ним, то какая же может быть гибель? Итак, поехали, с Богом.

Счастливые часов не наблюдают

Для первозданного Адама жизнь с Богом была единственно возможным образом жизни, и потому можно с уверенностью сказать, что до грехопадения таких понятий, как: или – или, можно – нужно, должно – не должно, у Адама не было.

С самых своих пелёнок созданный Богом мир был благим, и сотворённый Адам с радостной лёгкостью подчинялся благим Божиим законам, которые не были для него законами, но были его дыханием, составляющим одно дыхание с Богом. Не думая и не зная того, что может быть какое-то иное бытие или иное дыхание, Адам жил в единении с Богом, и как Бог творил мир не для Себя, но для Адама, так и Адам не мыслил себе жизни без Бога, и счастье первого человека составляла его единая с Богом часть, потому как вне Бога, вне этого отклика на участие в Божией части, человеческого с-частья не было, и тварного мира не существовало.

Но после грехопадения, после глотка другого, противного Божьему дыханию духа, который был чужд и самой Адамовой природе, духа пагубного, тлетворного и пьянящего, Адам на эту единственную возможность своего существования, т.е. непрерывное откликновение Божьему призыву, начинает смотреть как на тяжёлую повинность. Естественность становится необходимостью, и миротворение, бывшее для Бога актом свободной и благой воли, обернулось для твари после грехопадения игом обязательного следования тем законам, которые для Бога и законами названы быть не могут, потому как составляют Божие существо (насколько, конечно, возможно твари говорить о непостижимом Божьем существе), и которые для человека стали действительно законами, т.е. правилами, навязанными извне.

Тогда и ум, пленённый грехом, начал ощущать (и по-другому думать почти уже не мог) благо игом, и радость откликновения Богу тяжким бременем. Но с начала было не так. С начала мир был другим, и то, каким он был в начале, сообщает нам водимый Святым Духом пророк Божий Моисей.

Пища словесную икону книги Бытия, Пророк разделяет её на шесть клейм, названных Днями. Почему разделяет и почему на шесть? Разделение обусловлено той особенностью падшего ума, по которой ничто не может быть изложено и постигнуто им, если не будет изложено по частям. Нашему фрагментарно устроенному (читай: отпадшему от Бога сознанию) для усвоения изучаемых объектов необходимо расчленивать и разложить их по полочкам. И как свою жизнь нам часто хочется начать заново именно в понедельник утром, полагая этот искусственный рубеж самым естественным, так и в истории нам удобно проводить различные

рубежи, полагая, что здесь одна эпоха кончилась и началась другая. Но эпохи кончаются и начинаются только в наших головах, действительность же составляет сплошной и неделимый поток времени.

Уносясь по его течению, нельзя не видеть, как зачерпнутая из будущего горсть бытия, будь то минута, час или день, через минуту, час или день становится прошлым. Но когда успела она, словно вода сквозь пальцы, перетечь из настоящего в прошлое? И когда, взятая из будущего, она стала называться настоящей? В эти минуту, час или день? Или в какое-то мгновение, которое словно незримая перегородка, стоит между категориями настоящего, прошлого и будущего? Но как отыскать это мгновение-перегородку, как схватить момент, когда настоящее становится прошлым, а будущее – настоящим? «Я ловил момент, но ничего не поймал, только разбил часы», - выразился об этом занятии классик советской литературы.

Счёт неисчетных и ловля неуловимых мгновений, которые разграничивают прошлое с настоящим и настоящее с будущим, совершенно бессмысленен, потому что, как невозможно линейкой измерить линейку, так невозможно мысли самой себя остановить. Найденное начало мысли будет одновременно её концом, потому как означало бы её остановку. Но что такое остановка мысли? То же, что и остановка жизни – смерть.

С научной серьёзностью гоняться за собственным хвостом – это уже не безумие, это самоубийство. Всякая рефлексия, не находящая выхода к Богу, оканчивается самоубийством.

«И всё-таки непонятно, - скажет читатель, - каким образом во всякий миг своего безостановочного движения моя мысль может выйти по требованию на любой из этих трёх станций: прошлое, настоящее, будущее, и начать прогуливаться по ним? Значит, она как-то их, не имеющих между собой границ, разграничивает? И, значит, она как-то сама себя отмеряет?»

Да, разграничивает, да, отмеряет, но делает это условно. На самом деле никаких единиц измерения времени нет: ни минут, ни часов, ни дней, ни лет...

«Но откуда вы, батюшка, знаете, что есть на самом деле? И не является ли на самом деле ваше утверждение очередной условностью?»

Всё то время, пока Адам пребывал в непрерывном и непрерывающемся общении с Богом он жил в вечности. Пусть в сотворённой, пусть в имевшей начало, пусть в отличной от вечности Бога, но, однако же, в той вечности, которая не имела конца. В таком состоянии нужно ли было Адаму знать время? Не видя конца пути, можно ли, да и нужно ли, искать его середину или четверть? Не только конца, но и начала своего Адам тоже не ведал, так как вёл его в высшей своей части, именуемой духом, от безначального Бога. Как Адам не считал своего времени, так и ребёнок, родившийся по благословию Божию у райской четы, не стал бы заниматься такой глупостью – подсчётом своих дней и лет, видя рядом с собой вечноживущих родителей.

«Пожалуй, и я, оказавшись в раю, выбросил бы часы, - остроумно заметит читатель. - Счастливые часов не наблюдают. Но ведь ребёнок бы рос, изменялся, должны же были эти изменения как-то запечатлеваться во времени? И второй родившийся в раю ребёнок был бы рождён после первого. Вот вам и начало счёта лет, которого, как вы тужитесь доказать, в раю не было и не могло быть».

Никому не ведомо, как бы дети Адама и Евы, а потом их внуки, правнуки и прочие потомки считались бы и выстраивались друг перед другом? Но если принять во внимание, что главным и первым их общением было бы общение с Господом Богом, а потом уже общение между собой, то, конечно, Господь нашёл бы способ и как-нибудь бы всё устроил, чтобы никто из них не остался обделённым и обойдённым. Адам, будучи отцом и дедом, ощущал бы себя

ребёнком Божиим, а его ребёнок своё отцовство возводил бы к Богу Отцу. Нет ничего невозможного для Бога во всё то время, пока Его слушают и любят, трудности начинаются, когда перестают слушать. Нет ничего невозможно для Бога, кроме одного – Ему невозможно заставить Себя любить.

Адамова вечность оборвалась его собственной волей. Яблоко не само упало с дерева, оно было сорвано Евиной рукой. Плодом самостоятельного решения, плодом познания, т.е. раздробления всего на части, в том числе неделимого времени на времена, оказался запретный плод. Прекращение непрерывного общения с Богом стало началом другого состояния – греха и смерти. В начале – грех, в конце – смерть. Тогда-то и возникли понятия прошлого, настоящего и будущего. Тогда Адамова вечность раздробилась на времена. И если Бог сотворил вечность, то Адам творит исчисление времён, производя из вечности настоящее, прошлое и будущее. Прервав своё непрерывное общение с Богом, природа Адама превращается из бесконечной в конечную, из бессмертной в смертную. Так, с прекращением непрерывного отклика на Божий глас (*), время раздробилось, и эта временная раздробленность стала необходимой принадлежностью заражённого грехом человеческого ума.

(*) В еврейском подлиннике выражение: *И сказал Бог...* звучит иначе: И говорил Бог, сказав... Речь Божия непрерывна. Как и самый текст древнего письма не разбивался на слова, и даже строки в нём шли попеременно, то справа налево, то слева направо, как ведёт борозду бык на пашне.

Мгновение = вечность

Самое первое слово Библии – *в начале* – обозначает сотворение времени.

«Для Василия Великого, - пишет В.Н.Лосский, - первое мгновение времени ещё не есть время: «как начало пути ещё не путь, как начало дома ещё не дом, так и начало времени – ещё не время, ни даже малейшая часть времени». Это первое мгновение мы не можем помыслить, даже если примитивно определим мгновение как точку во времени (представление неверное, как показал блаженный Августин, ибо будущее непрестанно становится прошлым, и мы никогда не можем уловить во времени настоящее). Первое мгновение – неделимо, его даже нельзя назвать бесконечно кратким, оно – вне временного измерения: это – момент-грань, и, следовательно, стоит вне длительности».

Но когда же длительность начинает длиться? В какой момент начинается время? Ведь если первое мгновение стоит вне временного изменения, то, чтобы ему придти в соприкосновение со временем, нужна новая грань, новый переход из вневременного состояния в то состояние, когда время начинает быть. Но и эта грань будет всего лишь очередной гранью, а не началом собственно времени, поскольку грань возможна у одной плоскости. А если плоскости не просто разные, но сущностно разные, то может ли между ними быть общая граница?

Как же соединить несоединяемое: мгновение и время? Как соприкоснуть несоприкасаемое: тварное бытие и нетварную сущность Бога?

Мне кажется, что выйти из этого недоумения можно, предположив, что миг равен вечности. Т.е. предположив, что в слове Писания «*в начале*» говорится о мгновении, в которое была сотворена вечность, нам будет проще соединить эти вещи: несозданную вечность Бога и созданную Им вечность твари. Эти вечности, конечно, разные, но всё же они обе – вечности, и их проще соединить, нежели соединять нечто лежащее вне времени и самое время. Между

этими вечностями тоже проходит граница, но уже более представимая, поскольку разделяет она не столь разнородные плоскости.

Проще будет понять предложение В.Н.Лосского: «первое мгновение – неделимо, его даже нельзя назвать бесконечно кратким, оно – вне временного измерения: это – момент-грань, и, следовательно, стоит вне длительности», если предположить, что Господь Бог сотворил время не в привычном нашем понимании как состоящее из прошлого, настоящего и будущего, а время без длительности. И сделал это в один миг – *в начале*. А то время, как мы его понимаем, т.е. как измеряемые времена (часы, дни, годы) сотворил уже Адам в результате своего грехопадения.

Есть ли время в вечности? Нет. Но ведь времени нет и в миге. Возможно ли измерить вечность? Нет. Точно так невозможно измерить миг. С точки зрения неизмеримости того и другого, мгновение и вечность – равны.

«Постойте, - скажет читатель, - эта мысль не укладывается в голове. На белом свете многого нельзя измерить, однако из этого не следует, что всё неизмеримое равно между собой».

Но мы не говорим обо всём неизмеримом, мы говорим только о времени. А посему, что нам мешает, нет, не утверждать, но всего лишь предположить, что не имеющий начала и конца миг тождественен с не имеющей начала и конца вечностью. Разве не может в безначальном и бесконечном мгновении скрываться безначальная и бесконечная вечность? Разве не из мгновения летят в наши умы, словно стаи разнообразных птиц, вечные и бесконечные духовные миры? И разве не в вечность уходят лучшие мгновения нашей жизни, когда мы молитвенно обращаемся к Богу? Поэтому осторожно предположим, что одно мгновение вбирает в себе всю вечность, а во всей вечности вмещается одно только мгновение.

«Но вечность и мгновение не сопоставимы уже потому, что у мгновения есть конец, а у вечности его нет».

Где же по-вашему конец мгновению? Мы пытались ухватить начало мгновения, но, слава Богу, во время остановились. И то, что происходит с началом мгновения, то же происходит с его концом – не ухватишь.

«И всё же у вечности и у мгновения было начало, которое так и названо в Священном Писании: *в начале*».

А я о чём говорю? Я говорю о том же, что начало было *в начале*, но оно неопределимо, потому что совершилось в миг, который равен вечности. К вечности Бога была присоединена вечность созданного Им мира, и это произошло, по выражению В.Н.Лосского, в момент-грань. Кстати, взятую из его книги цитату можно переложить, относя всё сказанное о мгновении к вечности, следующим образом.

«Для Василия Великого первое мгновение времени ещё не есть время». Совершенно верно, потому что оно равно вечности, а в вечности времени нет. «Это первое мгновение мы не можем помыслить». Точно так мы не можем помыслить себе вечность. «Первое мгновение – неделимо». И вечность – неделима. «Его даже нельзя назвать бесконечно кратким». Бесконечно краткое мгновение? Что это? Что может быть бесконечным? Вечность. «Оно – вне временного измерения». Ну да, и вечность тоже вне времени. «Это – момент-грань, и, следовательно, стоит вне длительности». Но ведь и вечность стоит вне длительности.

Итак, сказанное о мгновении, слово в слово приложимо к вечности, и эти совпадения вновь убеждают нас в правомочности приравнивания мгновения и вечности. Конечно, есть грань, есть шов между Богом и Его творением, между безначальной вечностью Бога и имевшей

начало вечностью твари, но Адам был призван стереть все грани и разгладить все швы. И не случись тогда Адамова преступления, мы бы сейчас не искали начало нашей жизни и не думали бы о её конце, мы жили бы вечно. Мы жили бы так, что не только начала сотворённой для нас вечности, но и конца того мига, который был *в начале*, не знали бы. Вот именно, конца того мгновения, в которое были сотворены Богом небо и земля, не было бы, если бы не преступление Адама.

Богодарованную вечность отнял у Адама один только миг. Но разве слабый может победить сильного? *...как может кто войти в дом сильного и расхитить вещи его, если прежде не свяжет сильного?* (Мф.12:29). И если дом блаженной Адамовой вечности был расхищен одним только мгновением греха, значит, микроскопический миг ничуть не слабее бесконечной вечности. А с другой стороны, там же, в миге начнется для потомков Адама вновь дарованная им Христом Богом вечная жизнь. *Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся* (1Кор.15:52).

Итак, миг и отрывает, и соприкасает тварь с Богом. Миг ничтожит и обожает. В миге начинается наше вечное блаженство, и в миге начинается похоть, кончающаяся смертью. В единый миг в вечную жизнь Адама ворвалась смерть, и вдруг, *во мгновение ока* она возвратится ему. Но где же между мигом и вечностью помещается время?

Начало времени – в грехе Адама. Через непослушание Евы её вечный миг обрывается, и начинается земное время. С отделением Адама от Бога начинает длиться его самостоятельная жизнь, окончившаяся через 930 лет смертью.

Конец приходит всему, что отделяется от Бога. Если же дело совершается в Боге и перед Богом, то оно не может иметь конца. *Ходи передо Мною* (Быт.17:1) – велел Бог Аврааму при заключении завета обрезания. Хождением перед Богом (ср.Быт.5:24) назвал Бытописатель жизнь другого ветхозаветного праведника – Еноха, взятого живым на небо. И такое, перед Богом хождение может ли иметь конец? Если слова *ходи передо Мною* произносит Тот, Кто вечен, значит и хождение перед Ним – вечно.

Конец приходит тому, что отделяется от Бога. Грех – начало такого отделения, и смерть – его конец. *Похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть* (Иак.1:15). Но в какой момент похоть рождает грех? Где начало греху? *Грехопадения кто разумеет?* (Пс.18:13). В какой момент совершилось первое грехопадение? В тот ли, когда Ева вкусила запретный плод, или когда дала его Адаму, и он ел? Но ведь и он съел его не мгновенно. Где же тогда тот рубеж, та грань, до которого грехопадения ещё не было, и с которого оно начало быть, т.е. действовать в существо Адама, властно управлять его делами и словами, приведя через 930-ть лет к смерти?

То же и с началом жизни. В какой момент она началась? В минуту рождения из материнского чрева? А разве месяцы внутриутробного развития в эту жизнь не входят? В момент зачатия? Но как назвать тот момент, до которого человека ещё не было, и с которого он стал быть? Нет такого момента. Потому что, *так сказать, сам Левий, принимающий десятины, в лице Авраама дал десятину: ибо он был еще в чреслах отца, когда Мелхиседек встретил его* (Евр.7:9-10). По мысли этого стиха Священного Писания, все люди были в чреслах Адама, значит, и начала их жизней нужно искать в Адаме.

Мы не найдём никаких начал, если будем искать их во внешней жизни человека, потому что начало греху, как и начало блаженству, равно как и начало мгновению=вечности лежит не вне, но внутри нас, а ещё точнее – в наших мыслях.

Что дольше: присно или всегда?

Поиски начал, а мы, напомним читателю, взяли их искать, ища дорогу в Зосимину пустынь, вновь обращают нас к рассказу Священного Писания о самом первом человеческом грехе: *И увидела жена, что древо хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает познание* (Быт.3:6). Прежде падения деятельного – и *взяла плодов его и ела* – Ева совершила грех мысленный. Значит, самое первое грехопадение совершилось в Евиной мысли.

Начало греху – в уме, но уследить его зарождение невозможно, как невозможно ухватить начало мгновения. Грех прежде всего совершается в голове, но совершённый в голове, он ничуть не меньше греха делом. *Всяк, иже возррит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф.5:28). Этими словами Господь уравнивает грех мысленный с грехом действенным. И даже более, вонзает мысленный грех в самое сердце, тогда как телесный грех не всегда равен греху сердечному. Однако мы не будем возвращаться к тому, о чем много и долго говорили в предыдущих главах, что грех мысленный предваряет грех телесный, и что первый главнее, серьёзнее и губительней последнего. Мы сейчас говорим о начале всех начал – миге.

Начало греху лежит на неуловимом моменте-границе этих двух вечностей: безначальной вечности Божией и сотворенной вечности твари. Что же на этой границе происходит? Можно предположить, что мысль, оказавшись в миге-вечности, либо устремляется на Божий призыв (в Отчий дом, в лоно Божие), ища себе разрешения в Боге; либо ищет своё продолжение в самой себе. Последний вариант можно назвать идолизацией мысли. Не желающая искать Христа Бога мысль идолизируется, т.е. обращается к самой себе. *И слово их яко гаггерена жир обрящет* (2 Тим.2:17).

От кого или от чего зависит мысленный выбор? Только от свободной воли. Мысль принадлежит твари и зависит только от неё самой. *В искушении никто не говори: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью* (Иак.1:13-14). Апостол решительно отвергает мысль о Боге как виновнике искушений и вовсе не упоминает о диаволе как необходимой их принадлежности, но говорит, что каждый искушается *собственной похотью*. Причём, Апостол описывает последовательность грехопадения точно так, как её впоследствии более подробно опишут святые отцы, например, Преподобный Исихий: «Первое есть прилог; второе – сочетание, когда наши помыслы и помыслы лукавых демонов смешиваются; третье – сосложение, когда обоюродного рода помыслы сговорятся на зло и порешат между собою, как ему быть; четвёртое же есть чувственное деяние или грех». (*)

Описанная Преподобным Исихием последовательность рождения греха совершенно согласна с описанием Апостола Иакова, только последний в прилоге видит «собственную похоть». По слову Апостола, каждый прежде *искушается собственной похотью*; потом, *увлекаясь*, сочетается с ней; и, наконец, *обольщаясь*, попадает в сосложение, или пленение своей же похоти. Далее грех совершается действием, а именно: *Похоть же, зачав, рождает грех, а сделанный грех рождает смерть* (Иак.1:15). Вот ведущие ко греху ступени, называемые святыми отцами как прилог, сочетание и пленение. Только непривычно слышать, что человек искушается от собственной похоти (**), так как принято считать главным искусителем – беса. (***) Почему же он не упоминается Апостолом Иаковом?

(*) Добротолюбие. Т.2. Преподобного Исихия к Феодулу – душеполезное слово о трезвении и молитве.

(**) «Что такое «собственная похоть», и каково ее происхождение? Можно ли дать определение?» - спросил автора вдумчивый читатель. Дорогой друг, с этим вопросом нужно обратиться к прамати Еве, которая не была подвержена диавольскому воздействию изнутри, и могла бы точно сказать, что такое «похоть», а не к автору, который подвержен этому воздействию от самого рождения. Похоть это – *тайна беззакония*, [которая] *уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего* (2Фесс.2:7,8). Видимо, для того самого таинственная «собственная похоть» должна окончательно вызреть в сердцах человеческих и «воплотиться» в беззаконнике, чтобы Господь мог её убить и освободить новое человечество от похоти для нескончаемой жизни в будущем веке.

(***) Считать беса виновником грехов стало настолько привычно, что слова молитвы ко Пресвятей Богородице «да мя не явиши бесом радование, иже многим грехом повинника» понимаются молящимися совершенно превратно. В молитве написано, что виновником грехов является сам молящийся, мы же читаем: бес – грехом повинник. На самом же деле, местоимение «*иже*» относится не к бесам, но к молящемуся, т.к. стоит в единственном числе, о чём свидетельствует его острое ударение. И слово «*повинник*», стоящее в единственном числе, тоже относится к молящемуся, а не к бесам. Слово же «*бесѡм*» стоит здесь во множественном числе, что подчеркивается «*омегой*». И потому смысл выражения таков: да мя, повинного во многих грехах, не явиши бесам радование.

В первом грехопадении бес не мог участвовать. Никто не искушал самого близкого к Богу ангела, когда тот решил противопоставить себя Богу. Поэтому описанная Апостолом последовательность совершения греха, начинаемая не от брошенного бесом помысла-прилога, но от собственной похоти есть первейшая и изначальная последовательность, подтверждающая, что зла как такового нет, что зло творит сам человек. Что же тогда творит диавол? Помогает.

Итак, если начало греха кроется в мысли, то там только и надо искать его начальную точку. Но найти начало мысли совершенно невозможно. Более того, самоубийственно невозможно. *Грехопадения кто разумеет; и от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего* (Пс.18:13). Кстати сказать, в последовательности прошений Псалмопевца об избавлении от греха можно видеть согласие с описанной выше Апостолом Иаковом последовательностью рождения греха. Пророк Давид прежде просит Господа об очищения от *тайных моих*, т.е. собственных похотей как изначальных причин грехопадений, а затем уже защиты от *чуждых*, т.е. бесов-помощников.

Невозможно найти начала *тайных моих*, но можно молить Господа об их очищении. Невозможно найти начало мига, но можно в него прорваться, вернее сказать, быть допущенным Богом туда, в миг-грань, где соединяется две вечности: Божия и человеческая. Причём, этот совершаемый в молитвенном обращении к Богу прорыв в миг равен по сути прорыву в вечность. В мгновении ока начинается наша вечная жизнь, и в мгновении ока она обрывается, как оборвалась она у Адама, когда он перестал откликаться на Божий призыв. Так

же и у нас, молитвенное мгновение=вечность обрывается, и мы вновь оказываемся в настоящем, прошлом, будущем.

Хотя мгновения приходят и уходят неуловимо, но начаться они могут только в настоящем. Миг не может начаться в будущем, и тем более в прошлом. Значит, важнейшим временем для христианина является настоящее. Вернее сказать, настоящее есть единственно неложное время, т.к. будущее и прошлое это всего лишь умозрительные сетки, наброшенные умом на вечность. Но только молящийся ум может разорвать им самим выдуманное сплетение времён, потому что молитва это – стояние ума перед Богом без изменений. Молитва это – мысль, имеющая целью не наблюдение изменений, не фиксирование этапов: будущего, настоящего и прошлого, но некое выпадение из времени. Она есть опыт жизни во времени, которое не делится на части, но идёт сплошь. Так, плывя по течению реки, можно не видеть берегов, а можно всё своё внимание только на них и обращать. Но тогда-то и начинается дробление вечности и дробление всего, когда ум отворачивается от Бога к твари.

Что же такое сплошь идущее время? Разные языки по-разному пытаются преодолеть искусственность разделения сплошного и неделимого времени на составные части. Так, например, богословы говорят, что непроизносимое имя Бога, состоящее из четырёх букв («тетраграмматон») неправомерно произнесено как Иегова. На самом деле имя Бога нельзя обычным образом произнести, потому что оно заключает в себе композицию трёх форм глагола «быть», взятого в прошедшем, настоящем и будущем временах. Переводится оно как «Тот, Кто был, есть и будет».

Еврейское слово «аллилуйя» означает: «Господь идёт, хвалите Господа», но так как по существу священного языка в слове «идёт» сокрыто и настоящее, и будущее, т.е. идёт пришедый и вновь грядущий, то слово это знаменует вечное хождение Бога, без различия времён. Этот абзац заимствован мною у Н.В.Гоголя.

В церковно-славянском слове «днесь» сокрыта та же смысловая особенность, которая ставит его словесное окружение вне временного контекста. Например, празднуемое 25 марта/ 7 апреля Благовещение Пресвятой Богородицы есть не столько воспоминание много лет назад бывшего события, сколько совершаемая «днесь спасения нашего главизна». Можно сказать, что слово «днесь» выражает настоящее без измерения, или бесконечно краткий миг, в котором заключена вечность. Днесь это навеки застывшее ныне. Церковно-славянский язык знает и другое временное слово без длительности – присно. А оно что означает? Присно это всегда, которое не длится.

Так же и покаяние, или «метания», т.е. перемена ума, как это слово буквально переводится с греческого, не может быть пунктирным и какими-то сроками отмеренным: сколько-то времени помолвившись, весь оставшийся день свободен. Покаяние должно быть присным, а другого его быть не может. Либо оно есть всегда, либо по часам измеренного его нет никакого, а ловить моменты – только часы разбивать.

Как понять выражение: покаяние должно быть присным? За разъяснениями обратимся к молитвенному правилу Серафима Саровского. Освятим именем Преподобного Серафима страницы нашего романа. Многие верующие прибегают к молитвенному правилу Серафима Саровского, когда почему-либо возникает нужда сократить утренние или вечерние молитвы. Один раз «Достойно», трижды «Отче наш», трижды «Богородице, Дево, радуйся», Символ веры поскорю читают они и считают, что исполнили Серафимово правило. Но у его правила есть вторая и главная часть: до обеда надо постоянно читать молитву Иисусову, а после обеда – до ночи: «Владычице моя, Пресвятая Богородице, спаси нас». Значит, суть Серафимова

правила не в сокращении, хотя оно и позволяет сократить некоторые молитвы, но – в непрерывности обращения к Богу. Когда это забывается, тогда и покаяние перестаёт быть присным.

В завершение осталось сказать, что под мигом=вечностью мною понимается миг перемены ума, или покаянный миг. И это необходимо подчеркнуть, потому что есть другой миг, о котором в советской песне поётся: «А для звезды (не Люцифера ли?), что сорвалась и падает, есть только миг, ослепительный миг». Этот «ослепительный миг» есть безпокаянная жизнь, в которой *станем есть и пить, ибо завтра умрем!* (1Кор.15:32).

Хотя живущие ослепительным мигом также признают главным часом жизни настоящий её час, а не будущий и не прошлый, но делают они это извращённо. Господь призывает к постоянному бодрствованию в ожидании последнего часа: *Будьте же и вы готовы, ибо, в который час не думаете, придет Сын Человеческий* (Лк.12:40). А в ослепительном миге всё наоборот. Там живут, изо всех сил стараясь не думать о последнем часе, как в затяжном прыжке с нераскрытым парашютом. Страшным будет последний миг этого безумного падения, если парашют так и не раскроется.